

СЛОЕННЫЙ ПИРОГ ПОЛИТИКИ: ПОРЯДКИ, РЕЖИМЫ И ПРАКТИКИ¹

М.В. Ильин

Аннотация. Соссюреанские понятия яза и речи позволяют обществоведам различать аспекты социальных явлений, которые реализуются *online* и *offline*. Эти аспекты соединяют творческие усилия людей или их субъектность (*agency*). Она позволяет кодировать, переводить *offline* нормы в *online* процессы, а также декодировать процессы и обновлять нормы или создавать новые. Анализ исторических и современных употреблений слов *institutio*, *institutum*, *institution* и институт показывает, что на деле существует целый ряд омонимичных терминов. За ними скрываются совершенно различные явления. Это и нормы, и их применение вкпе с результатами такого применения, а также организации, выступающие как создатели и норм и процессов. Взаимодействие этих различных институтов ведет к их насыщению и очищению, к созданию очищенных и насыщенных, формальных и неформальных институтов. Все эти различные институты могут быть ранжированы по темпоральным и пространственным масштабам. Результатом становится пестрая мешанина пересекающихся и обволакивающих друг друга образований. Совокупно их можно представить как подобие слоеного пирога. В статье рассматривается последовательность институциональных масштабов — эволюционных порядков, исторических режимов и повседневных порядков, которые наслаиваются один на другой. Далее рассматриваются альтернативные способы их концептуализации с помощью когнитивных схем вещей, механизмов, организмов, видов, форм жизни и экосистем.

Ключевые слова: институты, процессы, *langue*, *parole*, *online*, *offline*, субъектность, насыщенные и очищенные институты, насыщение и очищение институтов, формальные и неформальные институты различного масштаба, порядки, режимы, практики.

Данный текст является запоздалым откликом на очень содержательную и яркую статью С.В. Патрушева в “Полисе”, а также на труды по институциональной политологии последних лет [Патрушев 2011; Патрушев 2001; Институциональная политология 2006; Панов 2011; Панов 2012]. Выдвинуто, обосновано и проверено множество ценных идей. Хотелось бы не просто подхватить и развить некоторые из этих идей, но и предложить возможную теоретико-методологическую рамку. Для этого удобно оттолкнуться от метафоры слоеного пирога политики.

С помощью “кулинарной” метафоры внимание сосредотачивается на многослойности, разнородности и, в конечном счете, на многомерности политики. Что создает слоистость пирога? 1) *Рецепт*, т.е. *правила* или *институты*; 2) *изготовление*, т.е. *процессы формирования* или *институционализации* поли-

ИЛЬИН Михаил Васильевич, доктор политических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Для связи с автором: ilyin@politstudies.ru

¹ В данной статье использованы результаты, полученные в ходе реализации проектов, выполненных в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011–2013 гг., а также проектов РГНФ № 13-03-00310 и РФФИ № 13-06-00789.

тических явлений; 3) *повар*, т.е. *творческая субъектность людей* и создаваемых ими организаций, институций.

Об этих трех разных понятиях и сторонах институциональности пойдет речь в первом разделе статьи. Затем будут представлены аналитические параметры очищенности “простых” институтов или насыщенности “сложных”, их формальной закрепленности и неформальности, а также связанные с насыщением и чересполосицей формализованности и неформальности эффекты слоистости.

После такого обширного введения в следующих трех разделах статьи будут рассмотрены различающиеся масштабами типы институтов – эволюционные порядки, исторические режимы и повседневные практики². Градации масштаба важны не только в силу создаваемых ими возможностей или ограничений политической организации. Вписывание одного масштаба в другой является наряду с насыщением важнейшей причиной образования слоеного пирога политики.

Завершат первую статью некоторые предварительные выводы о характере порядков, режимов и практик. При этом будут использованы когнитивные схемы (метафоры), адекватные для разных по масштабности и насыщенности институтов.

В следующей статье эти и другие когнитивные схемы будут использованы для рассмотрения агентивной, субъектной стороны слоеного пирога воспроизводства, изменения и заимствования институтов, осуществления политических инноваций.

112 ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Чуть более столетия назад выдающийся швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр совершил открытие, имеющее общеметодологическое значение для общественных и гуманитарных наук. Он противопоставил и связал две стороны живого языка (*langage*) – яз (*langue*) как его систему и речь (*parole*)³ как его конкретное проявление [Saussure 1916; Соссюр 2004]. Фактически он нащупал фундаментальное различие между *offline* институтами или своего рода кодами, правилами поведения людей в любых сферах их деятельности и *online* продуктами, наблюдаемыми проявлениями человеческой деятельности⁴.

Коды и сообщения, яз и речь, институты-правила и порождаемые ими процессы связаны неким конвертором или особым творческим началом, обладающим способностью использовать правила и создавать благодаря этому эпизоды действительности, политические процессы. Этот активный субъект способен также уяснять ход процессов, извлекать полезный опыт и изменять

² Названия этих типов весьма условны. Порядки можно назвать устойчивыми формами правления или традициями политической организации. Режимы можно связать со стилями властвования, практики – с политическими импровизациями или, напротив, рутинной.

³ Обычно в лингвистической литературе соссюровский термин *langue* передается словом язык. Это представляется неудобным, так как теряется внешнее различие между терминами *langue* и *langage*, и вынуждает меня создать специальный термин яз. Менее удачное, но распространенное решение передавать термин *langage* как *речевая деятельность*.

⁴ Можно высказать смелое предположение, что биологическим аналогом кода и результата его применения является генотип и фенотип. Однако обсуждение данной аналогии далеко выходит за рамки темы статьи.

существующие правила, т.е. институты. По-английски этого субъекта и его творческую силу именуют словом *agency*⁵.

Уже двух примеров, касающихся сосюрговской терминологии и слова *agency*, будет довольно, чтобы признать важность терминологических и понятийных различий. К сожалению, именно в политической сфере вообще, и в политических исследованиях в частности эта сторона дела зачастую игнорируется, что порождает отмеченный Ханной Арендт феномен глухоты к лингвистическому значению и слепоты в отношении политических феноменов⁶. Эти глухота и слепота зачастую усугублены наивной убежденностью, что термины “однозначно” соответствуют неким четким и полностью определенным явлениям с их окончательной и неизменной сущностью. Отсюда споры о том, что такое институт – правила, организации или “безличные формы социальной субъектности”. Прежде чем вступать в эти споры, стоило бы обсудить, какие понятия фактически обозначаются словом *институт*. Какие феномены скрыты за ним? Какие смыслы и значения проявляются при его произнесении с учетом истории и традиций словоупотребления сходных терминов в различных условиях для решения специфических интеллектуальных задач.

Начало соответствующей традиции связано с использованием двух (!) слов *institutum* и *institutio* в латинском языке. Оба эти слова образованы от глагола *instituo, ere* – ставлю, устанавливаю⁷. Корень как будто ясен. Он тот же, что в русских словах *ставить* и *стоять*. Исходный, общий индоевропейский корень **sta-* оставил в русском и других новоевропейских языках множество производных вплоть до научных терминов *статика*, *статус* и т.п. Впрочем, этот корень был усвоен не только индоевропейскими языками. Об этом нам напоминают названия *Татарстан* и *Астана*.

В латинском языке исходным был глагол *sto, stare* – стою, стоять. От него произошли два других глагола. Первым был *insto, instare* – стою, стоять, причем не просто стоять, а уверенно стоять, даже теснить или преследовать. Этот эффект достигался приставкой *in-*. Ей буквально соответствует наша приставка *в-*, однако латинская *in-* в сочетании с глагольным корнем придавала ему также смысл осуществленности действия, достижения его определенности. Не просто ставить, но устанавливать и закреплять в таком положении.

Второй глагол *sisto, sistere* – ставить, помещать; возводить. Здесь *si-* могло быть и приставкой, редуцированным *sin-* со значением совместности,

⁵ Английское слово *agency* с трудом поддается переводу на русский и многие другие языки. Им обозначается сразу и некое свойство человеческой действительности (действенность, субъектность), и его проявления (деятельность, усилия людей), и осуществляющие эти проявления социальные силы, т.е. организации и деятели. Одним термином (в строгом смысле тремя синонимичными терминами) обозначаются три разных понятия, а с ними и три разных аспекта действительности. В силу этих обстоятельств перевод может варьироваться, а в случаях соединения значений вполне допустимо использование транслитерации *агентивность*.

⁶ “Я считаю довольно грустным отражением нынешнего состояния политической науки тот факт, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как *власть*, *мощь*, *сила*, *авторитет* и, наконец, *насилие*. А ведь они относятся к определенным и различным феноменам и вряд ли существовали бы, когда бы не были таковыми” [Arendt 1972: 142].

⁷ Традиционно в словарях латинские глаголы передаются сразу четырьмя формами – первым лицом единственного числа в настоящем времени, тем же лицом в перфекте, супином (специфическим отглагольным существительным) и инфинитивом. Для краткости сохраняем первую и последнюю формы.

и редупликацией, удвоением корня, усиливающим его смысл. Супин этого глагола звучал как *statum*. Его смысл примерно можно передать “для или ради размещения”, например, с глаголами движения. И вот от этого слова был образован новый глагол *statuo, ere* – ставить, устанавливать по большей части целенаправленно, постановлять, решать. От этого глагола были произведены слова *статуя (statua, ae)* и *статум (statūtum, i)*, обычно употреблявшееся во множественном числе *statūta, ōrum*). С добавлением приставки *in-* смысл усиливался. Глагол *instituo, ere* означал очень сильное и надежное установление и решение.

Вернемся к нашим двум отглагольным существительным *institutum* и *institutio*.

Слово *institutum* было исходно субстантивированным отглагольным прилагательным, т.е. по-русски соответствующим чему-то вроде “надежно установленное”. Авторитетный словарь выделяет следующие основные значения: 1) устройство, организация, заведенный порядок, установление; 2) обыкновение, обычай; 3) принцип, основоположение; 4) начинание, предприятие, намерение, решение, план; 5) сотворенная вещь, творение [Дворецкий 1986: 410].

Однокоренное слово *institutio* было отглагольным существительным и исходно именовало процесс надежного установления в его целостности. Однако благодаря метонимии и прочим способам переноса смысла оно фактически фокусировало внимание на аспектах этого процесса, его результатах, условиях и т.п. В конечном счете, тот же словарь Дворецкого дает для слова *institutio* три основных значения: 1) устройство; 2) образ действия; 3) наставление, учение, указание [там же].

Для обоих слов можно выделить четыре большие группы значений, связанных с интересующей нас сферой институтов. Это (1) обычаи и правила; (2) описания обычаев и правил; (3) созданные на основе обычаев и правил организации, роли, предприятия и иные структуры для осуществления деятельности; (4) описания созданных на основе обычаев и правил организаций⁸.

При этом некоторых очень важных нас значений (*offline* правила, *online* процессы, конвертирующая одно в другое субъектность) классическая латынь еще как будто и не замечает. Это не означает, что лексикографические и даже терминологические возможности отсутствовали. Они просто не использовались. Их актуализация произошла уже при усвоении наших двух слов в новоевропейских языках⁹.

⁸ Данная концептуализация фактически предвосхищает позднейшее различие формальных и неформальных институтов. Полноценные, формальные институты (и правила, и организации) описаны и внешне закреплены законом, ритуалами или догмой. Неформальные институты не описаны и внешне не закреплены.

⁹ Пример этих возможностей дает словообразование типа *цивилизация, инквизиция, конституция, резолюция* т.п. Это – метонимический или иной перенос с обозначения собственно процесса на его источники, результаты, осуществляющего субъекта, его качества и способности и т.п. При этом в разных языках для разных слов одни из потенциальных смыслов становились основными, а другие оказывались на периферии или вообще не использовались. В случае с цивилизацией мы имеем едва ли не весь набор, правда, при конкуренции и дополнении однокоренным словом с суффиксом обобщенного качества *-t* в итальянской *civiltà* или английской *civility*. А вот такое явление как инквизиция оставило название учреждения, осуществлявшего расследования. Позднейшие слова-транслитерации двух латинских образцов легко могли получать свои дополнительные значения, часто фокусировавшиеся на результатах или на агентах действия надежного установления.

Фактически новоевропейские языки и их специфические дискурсы (политические, юридические, философско-теоретические) обладали широким выбором слов и терминов. Гораздо большим, чем исходные два слова, хотя при учете лишь внешней звуковой оболочки слов складывается впечатление, что понятий и отражаемых им феноменов всего два¹⁰. Фактически в разных языках появляются слова и даже термины-омонимы внутри двух разных по происхождению и внешнему оформлению групп. При этом некоторые из терминов разных групп оказывались синонимами. В результате в большинстве новоевропейских языков производные от латинских *institutum* и *institutio* причудливо перепутаны.

Серьезный терминологический анализ потребовал бы реконструкции лексической и концептной истории римской идеи института-институции в основных новоевропейских языках и научных традициях. Такая работа не осуществлена, хотя отдельные попытки предпринимались [Быченков 1996; Институциональная политология 2006; Иншаков и Фролов 2010; Панов 2011; Патрушев 2011]. Более того, делались смелые предложения. Так, В.М. Быченков писал: “Провести различие между этими словами порой весьма трудно – настолько они близки друг к другу, – однако в ряде случаев термин ‘институт’ оказывается более подходящим для обозначения социальных установлений, а термин ‘институция’ – для обозначения социальных учреждений” [Быченков 1996: 7]. Это предложение равносильно введению в отечественный научный оборот нового термина *институция* в значении социальное учреждение. Не вполне понятны основания для различения терминов. Сам исследователь признает “близость” (?) слов, а фактически взаимные наложения смыслов и значений, связанных с пресловутыми двумя звуковыми комплексами-оболочками. Аргумент о том, что такое различие оказывается “более подходящим” (кому? почему?), требует обоснования. Непонятно также, каким образом предлагаемое Быченковым различие соотносится с основным для него – и крайне продуктивным для науки – пониманием института как “безличной формы социальной субъектности”.

Итак, перед нами установления, учреждения, субъектность и, если учесть стандартные определения, также правила и организации. Список легко расширяется и уточняется. Это заставляет признать иллюзорным представление, будто существует некое одно “сущностно правильное” понятие института. Таких понятий, вероятно, несколько¹¹. В разных национальных академических традициях и в научных школах, даже в творчестве отдельных ученых осуществлены некоторые из возможных концептуализаций. Не претендуя на обобщение, хочу предложить некий расширенный перечень возможных концептов широкого институционального поля.

¹⁰ “Так, в английском языке мы встречаем слова *institute* и *institution*, в немецком – *Institut* и *Institution*, в шведском – *institut* и *institution*, во французском – *institut* и *institution*, в итальянском – *istituto* и *istituzione*, в испанском – *instituto* и *institucion*, в польском – *instytut* и *instytucja*, в чешском – *institut* и *institute*, в словацком – *inštitút* и *inštitúcia*” [Быченков 1996: 7].

¹¹ Наличие нескольких альтернативных понятий, обозначаемых одним термином, заставляет сокрушаться о содержательной безбрежности института: “Понятие ‘институт’ относится к числу комплексных, гетерогенных категорий. Институтами считают и разделение труда, и право собственности, и деньги, и фирму, и государство” [Некипелов 2006: 327]; “Особенно пагубна неопределенность категории ‘институт’, позволяющая идентифицировать ее фактически с любым достаточно репрезентативным социальным явлением” [Иншаков, Фролов 2010: 74].

К четырем римским понятийным комплексам, о которых говорилось выше, следует добавить еще несколько. К правилам и обычаям следует добавить процессы, которые разворачиваются благодаря их использованию. Эти процессы есть ни что иное, как живое воплощение институтов, институты “данные нам в ощущениях”, наблюдения и фактическом восприятии. Как тут ни вспомнить Соссюра, яз и речь, *offline* и *online* институты, о которых уже упоминалось.

Стоит, вероятно, вспомнить и намеченный выше тезис, что система правил (код, яз) может породить процесс (речь) только при условии, что существует конвертор, точнее субъект, способные осуществлять кодирование и раскодирование, зашифровку и расшифровку институтов-правил и институтов-осуществлений, как в одну, так и в другую сторону. Вот пред нами институт-субъект. А это и учреждение, и организация, и просто творческая социальная сила¹². Наконец, это обобщенная и в этом смысле деперсонализованная способность к конвертации, т.е. безличная форма социальной субъектности, если довести идею Быченкова до достаточной отчетливости.

Было бы любопытно и даже полезно предложить терминологические обозначения для различных понятий институционального гнезда. Неплохо бы собрать в этих целях что-то подобное круглому столу, пригласив политологов и социологов, историков общественной мысли и лексикологов, которым не чужд интерес к данному вопросу. А пока лишь замечу, что в языке отечественной политологии доминирует слово *институт*. Фактически это не одно слово и тем более не один термин. Их ровно столько, сколько де-факто понятий выделяет тот или иной исследователь или научное направление из аморфного понятийного комплекса институциональности.

Что касается других слов, то *институция* в лучшем случае воспринимается как устаревшее и как источник весьма рискованных терминологических опытов. Столь же рискованным пока выглядит использование предложенной В.Н. Бычковым “безличной формы социальной субъектности”, хотя по сути дела *субъектность* – это содержательно удачная терминологическая находка. Определенным терминологическим потенциалом обладают слова *установление*, *учреждение* и *организация*. При этом *организация* фактически синоним *учреждения*. А последнее слово в свою очередь обозначает помимо организации также и процесс ее создания и официального провозглашения, *учреждения*.

Так что положение далеко не безнадежно. Материал для терминологической работы существует. Но до той поры, пока в научном сообществе ни будут выработаны новые терминологические конвенции, придется, вероятно, пользоваться внешней словесной формой *институт* как своего рода лейблом для различных понятий. И делать соответствующие оговорки, где это возможно и уместно.

МАСШТАБЫ И НАСЫЩЕННОСТЬ ИНСТИТУТОВ

Разнообразие феноменов и понятий институциональности озадачивает даже при их очень грубом обзоре. Однако их фактическое разнообразие решительно увеличивается с учетом масштабов и насыщенности *offline* инсти-

¹² В латинском языке существовало слово *institutor*, т.е. устанавливающий нечто субъект, со значениями устроитель, основатель, создатель, учредитель, а также наставник, учитель [Дворецкий 1986: 410]. Вполне подходящий термин для института-субъекта.

тугов-правил (институтов?), *online* институтов-воплощений (институций?), институтов-конверторов (институторов?) или субъектности (?) и т.п.

Многое зависит от того, каким образом вычленяются соответствующие явления. Можно брать их во всей полноте, но тогда они получатся крайне расплывчатыми и “загрязненными” посторонними шумами и помехами, “гетерогенными” в понимании А.Д. Некипелова. Можно постараться сделать вычленение максимально строгим и четким, но тогда содержательно оно окажется крайне бедным и неполным.

Соответствующие альтернативы известны в современном институционализме как очищенные (*thin* – “тонкие, разреженные”) и насыщенные (*thick* – “плотные, густые”) интерпретации института [Lane, Ersson 2000: 4 ff.]. Очищенная интерпретация сконцентрирована исключительно на общей схеме правил (или только на ключевых моментах их воплощения). Из этой общей рамки исключается все, что только можно удалить. Остается только чистая схема. Прямо противоположным образом насыщенная интерпретация включает в общую рамку все фактически возможные и поддающиеся фиксации детали, включая условия и обстоятельства использования правил и т.п. Тем самым схема насыщается самым разнообразным содержанием. Можно рассматривать шахматы, приводят пример Ян-Эрик Лейн и Свен Эрссон, исключительно как систему правил. Это будет очищенная интерпретация института. А можно включить в институт помимо правил еще и стратегию игры, установки игроков и т.п. Это будет насыщенная трактовка института.

Насыщенной трактовки института придерживаются классики неинституционализма Джеймс Марч и Йохан Олсен. Они относят к институтам “установившуюся практику (рутину), процедуры, обычаи, роли, стратегии, организационные формы, технологии, убеждения, парадигмы, моральные нормы, культуру и знания”. Ученые отмечают, что институты – это “пути (способы – *ways*), по которым политическое поведение глубоко внедряется (*embedded*) в институциональную структуру правил, норм, ожиданий и традиций” [March, Olsen 1989: 22].

Иного подхода придерживается Джордж Цебелис, который подчеркивает: “Я использую термин *институт*, чтобы указать на формальные правила повторяющейся политической и социальной игры. Предполагается, что правила являются формальными, чтобы провести различия между институтами (и нормами) и обычаями” [Tsebelis 1990: 94].

К промежуточной трактовке тяготеет Питер Холл, который определяет институты как “формальные правила, согласительные процедуры и действующие на практике стандарты, которые структурируют отношения между индивидами в различных элементах политической системы и экономики” [Hall 1986: 19].

Своего рода рамочное, “компромиссное” определение института дают в первых строках своей статьи, открывающей авторитетный “Оксфордский справочник политических институтов”, Марч и Олсен: “Институт – это относительно устойчивые наборы правил (*collection of rules*) и организованные практики (*organized practices*), укорененные в структурах смыслов и ресурсов, которые относительно инварианты перед лицом непостоянства (*turnover*) индивидов и сравнительно упруги (*resilient*) в ответ на воздействия специфических предпочтений и ожиданий индивидов, а также на изменение внешних обстоятельств” [March, Olsen 2008: 3]. В данной трактовке институт предстает как многоярусное

образование со своим ядром (правила), которое дополняется практиками, затем структурами смыслов и ресурсов, а далее способностью варьироваться, но оставаться “упругим”, устойчивым и “установленным”, институциональным.

Подобная многослойность институтов позволяет и тем, кто обращается к ним в своих практических действиях, и тем, кто их анализирует и исследует, насыщать и очищать их в зависимости от своих целей и ожиданий, от прагматических установок. Пути и способы очищения и насыщения многочисленны и многообразны.

Один из важнейших способов рационализации очищения/насыщения институтов заключается в различении и соединении относительно формализованных и официально (авторитетно) закрепляемых правил с относительно неформализованными и не закрепленными официально правилами. Такой подход демонстрирует Дуглас Норт: “Меня интересуют и формальные ограничения — такие, как правила, придуманные людьми, и неформальные ограничения — такие как общепринятые условности и кодексы поведения. Институты могут быть продуктом сознательного человеческого замысла — как, например, Конституция США, или просто складываться в процессе исторического развития, подобно обычному праву”. Он справедливо подчеркивает, что институты “состоят из формальных писаных правил и обычно неписаных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их...” [Норт 1997: 18].

Следует учитывать, что само различение формальности/неформальности двумерно. Одно измерение связано с наличием или отсутствием официальной или авторитетной санкции правил. Это различие относительно легко операционализуется, правда сами критерии санкции эволюционно могут быть не просто отличны, но и прямо противоречить друг другу. Это и вынуждает говорить о расширенной шкале, точнее, о поле авторитетно-официального санкционирования.

Второе изменение предполагает оценку правил с точки зрения обретения ими четкой и ясной формы. Расплывчатость и затемненность формы интерпретируются как ее дефектность, как “неформальность”. Данное различие в отдельных случаях может быть очень полезным, хотя само по себе оно отнюдь не бесспорно и весьма уязвимо.

Зачастую оба изменения воспринимаются как однопорядковые, равносильные и, главное, совпадающие друг с другом. Такое впечатление может возникнуть при обращении к достаточно отчетливо рационализованной модерности. Ситуация усугубляется тем, что исторически “вчера” — а для многих еще продолжающееся усвоение современной рациональности не просто на виду, а застилает буквально все поле зрения. Да тут еще Макс Вебер ярко и образно описал институциональную рационализацию как смену плаща протестантского аскетизма прочным, как сталь, панцирем капиталистической выгоды [Weber 1920; см. также Вебер 1990]. Вот и отложилось в сознании обшествоведов неколебимое представление о нормальности железной клетки¹³ рациональных институтов и о ненормальности, девиантности “нерацио-

¹³ Такое смысловое развитие было спровоцировано тем, что фразу Вебера “Aber aus dem Mantel ließ das Verhängnis ein stahlhartes Gehäuse werden” [Weber 1920: 202] Парсонс перевел: “But fate decreed that the cloak should become an iron cage” [Weber 1958: 181]. Метафора стальной клетки получила содержательное развитие [см. Mitzman 1970; DiMaggio, Powell 1983; Scaff 1989; Prasad, Prasad 2000; Boiral 2003; Parenti 2004; Reed 2005; Ashworth, Boyne, Delbridge 2009 etc.]. Подробнее о проблемах, связанных с заменой метафоры прочного как сталь футляра на железную клетку [см. Tiryakian 1981; Turner 1982; Kent 1983; Chalcraft 1994; Klagge 1997; Baehr 2001; Kaelber 2002; Tribe 2007].

нальных” институтов. Соответственно одобрение и властями, и публикой рациональных институтов делает их как будто естественно формальными, а сомнения и подозрительность в отношении остальных заставляет трактовать их как неформальные. А между тем сам Вебер нацеливал свою метафору замены плаща футляром (см. чеховского человека в футляре) на то, чтобы показать специфический момент развития, тесно увязанный с конкретным временем и местом.

Параллельно с консолидацией “футлярной” рациональности, а тем более за ее пределами легко обнаруживаются расплывчатые, но санкционированные формы, равно как и четкие, но не санкционированные. Действительно, за пределами рационализованной модерности трудно, а зачастую и невозможно говорить об официальной санкционированности, поскольку автономные офис, бюро и подобные инстанции официальности появляются только в условиях современности.

Вместе с тем нельзя не признать известной синергии между четким оформлением и авторитетной санкционированностью. Чем четче, проще и “чище” система правил, череда моментов их воплощения или субъектных усилий по конвертации одного в другое, тем легче властной, в идеале официальной инстанции санкционировать относительно простой и однородный набор правил, действий и устремлений.

Как бы то ни было практически любой очищенный институт, будь это четкая система нескольких правил, череда опорных точек их использования или отрефлексированные стратегии института-конвертора (институтора, субъектности), легко насыщается множеством формальных, а тем более неформальных дополнений. В ходе подобного насыщения происходит сочетание и накопление формальных и неформальных правил, моментов развертывания институтов (институций?), стратегий, установок, устремлений и склонностей институторов или социальной субъектности индивидов и групп и т.п. Это само по себе порождает высокое разнообразие, гетерогенность и институциональную пестроту. Ее как раз и отражает использованная в заголовке статьи метафора слоеного пирога.

Возникающая институциональная пестрота далеко не бесформенна и хаотична. Она структурирована вдоль оси нарастающего насыщения. Ему соответствует ослабление оформленности. Еще одним структурирующим фактором является авторитетное санкционирование, которое затрудняется, но не исключается нарастающим насыщением и ослабляющейся оформленностью. Наконец, увеличению институциональной пестроты и слоистости политического пирога способствует соединение различных масштабов действительности.

Трудность в том, что масштабы не являются ни четко разграниченными, ни “объективными”. Их выделение невозможно без погруженного внутрь социальной действительности наблюдателя, а также соучастия остальных погруженных в эту действительность людей, которые вольно, а чаще невольно подыгрывают наблюдателю, т.е. нам, обществоведам-исследователям. Вместе с тем фактическое нарастание масштабов социальной организации от малых “человеческих родов” отдельных племен до нынешнего человеческого рода, начинающего обретать себя в процессе глобализации, ставит пределы субъективному произволу и создает некий фон “объективности”.

Можно выделить множество переходов от масштаба к масштабу. Усложненный анализ позволил бы выделить более дюжины, а то и двух таких переходов. Однако для целей данной статьи целесообразно свести к минимуму число таких переходов, ограничить число масштабов тремя.

Первым и самым “широким” масштабом будет порядок. Это предельно обобщенная категория политической организованности. Она потенциально безгранична во времени и пространстве, хотя на деле и вписана в эволюционную длительность и в устойчивые геополитические пространства. За пределами порядка только хаос. Впрочем, хаос клокочет и внутри порядка в той мере, в какой этот порядок остается самодовлеющим. Хаос грозит ему, так сказать, извне и изнутри.

Следующим, “средним” масштабом, если пропустить несколько напрашивающихся шагов, будет режим как способ и стиль организации власти и, шире, политических трансакций. Режим охватывает вполне обозримое историческое время и легко увязывается с определенными политическими структурами или даже отдельными “историческими” деятелями.

Наконец, самым “узким” масштабом будут локализуемые здесь и сейчас практики повседневности или, точнее, “сейчасности”. Почему? Повседневность предполагает неизменность и повторяемость времени. Это вечное здесь и сейчас. В таком пространстве—времени первобытности, извечного повторения почти природных циклов своей жизни люди жили на протяжении большого времени поколений своего существования, примерно полторы тысячи поколений. В этой темпоральной глубине использование слова *повседневность* было бы вполне оправдано. Однако каких-то 100–150 поколений назад люди вырвались из нее в осевое время и в пространства империй и цивилизаций. А еще позднее, всего два десятка поколений назад проявился эпизодический и клочковатый процесс модернизации, начавший сливаться воедино каких-то три-четыре поколения назад. Так вот неуклюжее (пока?) русское слово *сейчасность* может служить наиболее точной калькой модерности, *modernity*. Само это слово образовано от латинского наречия *modo* — только, только что, сейчас, в данный момент, нынче.

Важное отличие “сейчасности” (*modernity*) от локализуемых в реальном времени повседневных практик (*everyday practices*) заключается в том, что она может накапливать эволюционный потенциал пространства—времени развития. Правда, при том условии, что это накопление осуществляется специфической современной субъектностью. На это обращал внимание еще Пьер Тейяр де Шарден: “То, что делает¹⁴ человека ‘современным’ [*‘moderne’*] (и в этом смысле масса наших современников [*une foule de nous contemporaine*] еще не современна [*ne sont encore moderne*]), — это *обременение способности* видеть [*c’est d’être devenu capable de voir*] не только в пространстве, не только во времени, но еще важнее в *Длительности* [*mais dans la Durée*], или, что то же самое, в биологическом пространстве—времени; *это означает, более того, что мы становимся неспособны видеть никак иначе — только так — начиная с самого себя* [*c’est de se trouver, par surcroît, incapable de rien voir autrement, — rien, — commencer par*

¹⁴ “...и относит к категории” [*et classe*]. Это уточнение, а также выделенные курсивом формулировки в цитате являются попыткой автора статьи приблизить текст замечательного, ставшего классическим перевода Н.А. Садовского к тейярдовскому оригиналу.

lui-même]”. Вывод — “нам предстоит сделать последний шаг, чтобы вступить в сердцевину метаморфозы” [Teilhard de Chardin 1956: 242-243].

Накопление эволюционного или хронополитического потенциала позволяет делать конкретные действия современных, модерных, “сейчасных” людей адекватными широкомасштабным порядкам, которые складываются на протяжении многих десятков, а то и сотен поколений. Иными словами по мере усвоения способности видеть мир и самого себя в пространстве—времени эволюции мы обретаем шансы избежать катастрофических коллизий с традициями (хотели, как лучше, а получилось, как всегда) и действовать соразмерно масштабам институтов и процессов, в которые вовлечены.

Порядки

Слова порядок и порядки все активнее возвращаются в словарь политики и политической науки на разных языках от английской лингва франка до нашего родного русского. Свидетельство тому недавние книги знаменитых авторов [North, Wallis, Weingast 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Fukuyama 2012]. Терминологически понятия политической системы, организации и институтов все чаще обозначаются словами *order*, *порядок*, *Ordnung* и т.д.

Анализ научных подходов и концепций, связанных с подобным изменением словоупотребления, целесообразно предварить необходимыми замечаниями о самом слове *порядок*. Его безусловными достоинствами является широта смысла и многообразие его значений¹⁵. Не грозит ли это возникновением ситуации, когда одним термином обозначаются разные понятия и явления? Да, такая опасность существует. Слово *порядок* применимо для обозначения любых отличных от хаоса состояний, а значит и различных институтов и процессов. В политике издавна наряду с идеей абсолютного, установленного свыше порядка и ее последующих модификаций существовали также представления о множественности специфических порядков политической организации. Они, в частности, подкреплялись практикой монашеских и рыцарских орденов, т.е. порядков исключения из мира сего. Вполне естественно возникли также представления о различных высших, властвующих и низших, подчиненных порядках. Отсюда прямая линия к концептам социальных и иных партикулярных порядков внутри более широкой организации.

В современной политической науке идея порядка фактически совпадает с концептом политической системы в самом широком его понимании. Можно говорить о национально-государственном порядке, т.е. об отдельной современной территориальной политике. Можно говорить о международном порядке, т.е. о международной системе. Наконец, можно говорить о политическом порядке в самых различных масштабах вплоть до муниципалитета, понимая под ним при этом систему политической организации соответствующих единиц.

Таково классическое понимание политического порядка, восходящее к периоду формирования основных парадигм современной политической науки в середине прошлого века. Данное понимание представлено, например, в авторитетной для современной политической науки трактовке политиче-

¹⁵ Так, толковый словарь Ушакова дает 8 основных значений, толковый словарь Дмитриева — 24, и это далеко не исчерпывающий список. Словари синонимов дают десятки эквивалентов вплоть до восьмидесяти [Тришин 2013].

ского порядка, которую предложил Самуэль Хантингтон в своей знаменитой книге “Политический порядок в меняющихся обществах” [Huntington 1968]. В ней Хантингтон трактовал политический порядок как состояние, которое противоположно революции. В духе модного в то время структурного функционализма он приписывал политическому порядку системные характеристики, а революциям — их дефицит и нарастание хаоса.

Нельзя сказать, что в последовавшие десятилетия прошлого века слово *порядок* ушло из языка политики и политических исследований. Напротив, время от времени возникали дискуссии, в которых порядок становился своего рода ключевым словом (*catch-word*). Однако в основном за этим словоупотреблением скрывались метафоры или этикетки, а не развитые концепты и аналитические инструменты. Ситуация стала меняться в последние годы. Сейчас термины *порядок* и *порядки* используются для обозначения популярных аналитических категорий. Чем же можно объяснить возрастание интереса к феноменам порядка и соответствующему понятийному аппарату?

Рискну сделать предположение, что закрепление определенных смыслов и значений за терминами *политическая система*, *политическое сообщество*, *полития*, *государство*, *нация*, *империя* и т.п. вызвано потребностью в обобщенном обозначении качеств политической упорядоченности поверх привычных разграничений. Если это предположение верно, то словом *порядок* удобно и естественно обозначать политические образования значительных масштабов — как во времени, так и в пространстве¹⁶.

Подобное использование термина порядок характерно для книги Френсиса Фукуямы “Происхождение политического порядка” [Fukuyama 2012]¹⁷. Политический порядок рассматривается в ней двояко. В простейшем его понимании это универсальная эманация властного контроля, не дающего восторжествовать хаосу и беспорядку. В контексте развития — это базовая характеристика и одновременно длительная эволюционная фаза политической организации высокой сложности, обретающая “веберовскую” монополию на принуждающее насилие в ходе “модернизации”.

Фукуяма выделяет три основных составляющих “модернизации”. Это государство (*the state*), верховенство закона (*the rule of law*) и подотчетное правительство (*accountable government*, что можно также понять и как подотчетность правления) [ibid: 16ff]. Все эти три составляющие рассматриваются как вполне автономные, а сама политическая сфера как полностью независимая от культуры, хозяйственной деятельности и других сфер человеческого существования¹⁸.

¹⁶ Обнаруживается, однако, и прямо противоположная тенденция словоупотребления, когда порядками — обычно во множественном числе — именуются разнообразные сосуществующие и часто мелкие политические образования. О ней чуть позже в связи с концепцией гибридных политических порядков [Boege, Brown, Clements, Nolan 2009; Boege, Brown, Clements 2009; Kraushaar, Lambach 2009; Brown et al 2010].

¹⁷ Характерен подзаголовок книги — “от предчеловеческих (*prehuman*) времен до Французской революции”. Предполагается опубликовать второй том. Он охватит мировое политическое развитие в существенно отличных условиях постмальтузианского мира последних двух веков, примерно.

¹⁸ В этом отношении Фукуяма противостоит господствующей точке зрения, согласно которой эффект модернизации создается как раз за счет синергетики развития в разных сферах, а развитие лишь одной сферы ведет к абортивным модернизациям [Сергеев, Бирюков 1998].

Некое подобие политического порядка в первобытных, племенных и патриархальных условиях уже возникает, однако он вполне обретает свои “веберовские” черты безусловного и полного господства, монополии на принуждающее насилие лишь с появлением государства.

Когда же возникает государство и начинается модернизация? Фукуяма верен своему чувству моды. В Китае, конечно. “Так называемый восточный деспотизм — это не что иное, как скороспелое (*precocious*) возникновение политически современного государства” [ibid: 93].

Фукуяма связывает образование государства с достижением определенного уровня эволюционной развитости, а точнее масштабов концентрации мощи, ее объемов и плотности. В Китае создание соответствующих политий было сопряжено с беспрецедентной концентрацией власти и созданием аппарата силового принуждения. По мнению Фукуямы, это произошло постепенно. Первая попытка приходится на эпоху Чжоу, точнее Восточного Чжоу в VIII в. до н.э. Затем уже в III в. до н.э. она подкрепляется созданием многих новых институтов военно-бюрократического господства. Наконец, полной определенности и тотальности господство централизованной военно-бюрократической власти достигает при Цинь Шихуанди (II в. до н.э.).

С точки зрения Ф. Фукуямы государства это отнюдь не политические образования, коллективно начавшие создавать со второй половины XV столетия системы равных друг другу в правовом отношении и суверенных “статусов” (*stati, states etc.*). Для него — это мощные системы ведения войны и имперского господства. Фукуяма считает полное и безоговорочное господство над населением с помощью вооруженного насилия первым и основным современным политическим институтом¹⁹. Он ссылается на веберовский принцип монополии государства на принуждающее насилие²⁰. Однако беспрецедентная концентрация мощи и ресурсов силового принуждения в руках Цинь Шихуанди отнюдь не равнозначна монополии, пусть даже она и выглядит таковой. Гибель системы беспрецедентного насилия вслед за смертью самого ее создателя прекрасно это подтверждает. Труп “первого императора” еще лежал, обложенный соленой рыбой, чтобы замедлить тление, а ресурсы принуждения уже лавинообразно расхватывались ловкими придворными, а также теми, кто оказывался смел.

Беспрецедентная концентрация мощи не отменяла принципа непрямого правления. Именно поэтому созданному Цинь Шихуанди порядку господства не хватало по-современному понимаемой однородности и универсальности, а значит и монополизма. Каждый раз принуждение осуществлялось маленькой копией властителя. Над ними не было обезличенного порядка—состояния, который нес в себе монополию, но не отдавал ее никому лично, никакой инстанции кроме единосущного себе и столь же универсального в своей абстрактности суверена. На Цинь Шихуанди можно показать пальцем, на

¹⁹ “Современные (*modern*) политические институты появились в истории гораздо раньше, чем промышленная революция и современная (*modern*) капиталистическая экономика. На деле многие из элементов того, что мы считаем современным государством, были уже налицо в Китае в третьем веке до нашей эры примерно на восемнадцать столетий раньше, чем они возникли в Европе” [Fukuyama 2012: 19].

²⁰ “Китай единственный (*alone*) создал современное (*modern* — курсив Фукуямы) государство в терминах Вебера” [ibid: 21].

современного суверена — нельзя. Как только удастся указать на “персонализированного” суверена, например, на Александра Лукашенко или Владимира Путина, на некую хунту или даже на “майдан”, появляются сомнения по поводу действительной суверенности и современности соответствующих порядков.

Возвратимся, однако, к тексту Фукуямы. Серьезные сомнения вызывает и то, что он не только придает принципу монополии государства на принуждающее насилие самодовлеющее значение, но и противопоставляет его другому современному принципу — подотчетности властных инстанций²¹. Сам Макс Вебер был далеко не столь “однозначен”. Как можно понять его трактовку парламентаризма и других современных институтов, их связь с государством и его монополией на принуждающее насилие далеко не случайна и логически оправдана.

Вопрос о насилии тесно увязывают с политическим, а точнее с более широким социальным порядком Дуглас Норт, Джон Уоллис и Барри Вайнгаст [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. Они претендуют на создание “концептуальных рамок для интерпретации письменной истории человечества”. Авторы раздвигают темпоральный охват к нашим дням на два столетия, т.е. на 6-7 поколений. Да и начальный момент глубже. Начало письменной истории куда раньше создания империи Восточного Чжоу. В самом Китае письменность возникает в эпоху Шан-Инь, примерно на два, а то и три десятка поколений²² ранее Восточного Чжоу, когда только начинается формирование образцовой с точки зрения Фукуямы системы централизованного господства.

Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст предложили системную типологию социальных порядков весьма высокой степени абстракции. Они сделали порядок (и порядки — для них различие множественного и единственного числа несущественно) буквально базовой категорией, призванной описывать и объяснять общесистемные свойства целых эволюционных поколений общесоциальных²³ систем. В частности, они выделяют порядки открытого (*open access orders*) и ограниченного доступа (*limited access orders*), что предполагает и не рассматриваемую ими возможность порядков закрытого доступа (*closed access orders*). Конечно, редукция открытости как таковой к открытости доступа²⁴ как будто конкретизирует используемую ими категорию. Это должно было бы уменьшить угрозу избыточной абстрактности. Однако на деле проис-

²¹ “Хотя Греция и Рим были исключительно важны как предшественники современного подотчетного правления (*modern accountable government*), Китай гораздо важнее в развитии государства (*the state*)” [ibid: 21].

²² Еще раньше — примерно на полторы тысячи лет или на 50 поколений — появилась письменность в Египте и Месопотамии. Дунайское или Тэртэрийское протописьмо археологической культуры Винча датируется серединой VI тысячелетия до н.э., т.е. еще на 250 поколений назад.

²³ Под общесоциальными системами в отличие от собственно социальных систем понимаются целостные и аналитически нерасчлененные социально-политически-экономическо-культурно-разномерные образования.

²⁴ Данная редукция фактически исключает все другие аспекты открытости, а именно баланс обменов со средой. В случае с империями важен не столько доступ, например, варваров к благам цивилизации, сколько экспорт этих благ, а с ними коммуникативных, политических, хозяйственных и прочих порядков. В случае с современными системами количество параметров обмена со средой радикально возрастает, что делает тем более проблематичным выделение одного лишь доступа.

ходит нечто напоминающее концептную натяжку. Фактическое рассмотрение эффектов общеморфологической открытости осуществляется лишь с учетом доступа, но трактуемого по необходимости крайне расплывчато.

В своей книге Норт и его коллеги постоянно перемещаются по лестнице абстракции от анализа функционирования отдельных социальных порядков и даже часто от специфических способов их социального открывания или ограничений подобного открывания до придания соответствующим практикам самодовлеющего, эпохального, всемирно-исторического значения. Равным образом они трактуют крайне абстрактные принципы открытости доступа и затем прямо связывают их с весьма конкретными и исторически преходящими практиками. Происходит скачок с самой нижней ступеньки лестницы на ее вершину или прыжок с вершины абстракции к самой непосредственной конкретике.

Концептуализация с помощью одной лишь степени открытости доступа позволяет Норту, Уоллису и Вайнгасту отчетливо разглядеть только поверхность надводной части громадного “айсберга” всей письменной истории человечества. И дело не только в том, что остается видимой лишь верхушка — в лучшем случае последние два десятка поколений из примерно сотни с начала “письменной истории” и из полутора тысяч поколений существования человечества как такого. И даже для этого периода нет общей картины, а только отдельные наблюдения то тут, то здесь.

Авторы трактуют порядки ограниченного и открытого доступа как вполне четко и недвусмысленно разделенные. Соответственно рассматриваемые ими казусы могут ясно и однозначно быть помещены либо в одну, либо в другую корзину. Развивающийся предложенный ими подход коллеги действуют подобным же образом и даже делают его более последовательным. Так поступает, например, А.Д. Воскресенский, который проводит классификацию основной части ныне существующих государств на две группы. Он выделяет конкурирующие ядра этих групп: “Государства с естественным и открытым социальными порядками активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40-50 из них: 25-30 государств с открытым социальным порядком и 20-30 — с естественным социальным порядком охранительного типа” [Воскресенский 2013: 10-11].

Подобная жесткая дихотомия и трактовка выделяемых порядков как вполне однородных внутри себя может объясняться тем, что сама по себе упорядоченность вполне естественно мыслится как целостная, достаточно непротиворечивая и однородная. Но на практике мы постоянно сталкиваемся с порядками, которые фактически являются весьма сложными комплексами разнородных порядков. Это отражается в самом факте конкуренции порядков и меняющемся соотношении между ними, признаваемом и Воскресенским, и его американскими предшественниками. Рискну утверждать, что даже самые образцовые из государств двух конкурирующих ядер являют собой весьма причудливые комбинации обоих основных социальных порядков, их переходных форм и даже вкраплений порядков закрытого доступа. В конце концов, акционерные общества закрытого типа, частные домохозяйства и т.п. являются вполне нормальными и распространенными формами хозяйственной организации.

Конечно, отдельные частные порядки могут навязываться и приобретать гипертрофированный характер, воздействовать на политику в целом и на какой-то момент, а то и период определять ее специфику и функционирование. Однако такое доминирование не делает порядки однородными. Анализ отдельных политий отчетливо выявляет внутри даже кажущихся относительно однородными и вполне монолитными стран сочетание порядков разного масштаба и происхождения.

Мне уже доводилось писать, что номенклатура прядка и порядков под-ходит, например, для анализа общего порядка империй (точнее их форм) и множества разноплановых имперских порядков [Ильин 2013]. Дело в том, что империи и цивилизации унаследовали эволюционно более старые варварские порядки, которые актуально присутствуют в снятом виде как вкрапления различных более мелких масштабов в уже цивилизованную имперскую плоть.

Оставаясь открытыми в принципе системами империи и цивилизации сохраняют закрытые и “полуоткрытые” порядки внутри своего цивилизованного порядка-мира (*pax*), как уже вчиненного (*im-perata*), так и подлежащего вчинению (*im-peratura*). В силу своей открытости они обречены на безостановочное воспроизводство своеобразной открытой формы. Однако внутри империй и цивилизаций существуют порядки разного рода, которые могут характеризоваться различным качеством параметра открытости/закрытости²⁵.

Что же касается более современных явлений, то открытый доступ, например, в виде самоорганизации гражданского общества может быть обеспечен внутри закрытого пространства корпуса граждан.

Принцип двойного хода (*double movement*) Карла Поланьи на свой лад проявляется и здесь. Некий порядок может стать эффективно открытым при условии, что эта открытость обеспечена, поддержана закрытостью иного порядка. В этом случае мы получаем закрытость порядка отнюдь не примитивную, а вполне современную. Такова, например, закрытость границ, закрытость членства в парламенте, фракции, партии. Все эти закрытости органично соединены с антиномичными по отношению к ним открытостями – границ, членства и т.п. Антиномичное сочетание двух формально как будто исключающих друг друга принципов на деле создает возможность регулирования как закрытости, так и открытости. Такое регулирование создает открытость второго порядка [Ильин, Цымбурский 1997], на фоне которого и безальтернативная принципиальная закрытость родоплеменных порядков и открытость имперских являются равным образом закрытостями второго порядка.

Впрочем, существует и эклектичные, а то и конфликтные соединения порядков разного рода. Типичный пример – манипулятивные модификации избирательного законодательства и практик (джерримендеринг и т.п.), которые вызывают диссонансы в функционировании политической системы, превращая формально открытые структуры в фактически зарытые. “Царь горы” – еще один пример подобного втискивания архаических форм и практик в поверхностно модернизованные системы [Мельвиль, Миرونюк, Стукал 2013].

²⁵ Данный параметр лежит в основе авторской концепции хронополитики [Ильин 1995]. Помимо собственно закрытости и открытости первого порядка, вычленяются также открытость второго порядка как способность регулировать аспекты открытости и закрытости [Ильин, Цымбурский 1997], а также эволюционные эпохи (зоны) парадоксальных совмещений черт открытости и закрытости перед и после эона исторических империй и цивилизаций.

Погружение наблюдателя в филипповском смысле [Филиппов 1992; 2008], т.е. интерпретатора и понимающего субъекта в повседневность, сказывается на сужении угла зрения и на его фокусировке на деталях. При этом происходит относительное приуменьшение крупномасштабных, только аналитически (исторически, эволюционно) вычленяемых структур (форм и формул, укорежившихся порядков) за счет мелкомасштабных, но цепко сочлененных с непосредственной фактурой связей (*linkages*) и практик, эфемерных порядков, сфокусированных на *hic et nunc*.

Совершенно иной предстает действительность при перемещении наблюдателя-интерпретатора к пределам аналитического обобщения. Угол зрения расширяется, но детали и повседневная фактура скрадываются. Это как раз и попытались предпринять Норт с соавторами, а также Фукуяма, обратившись к органичной, на мой взгляд, терминологии для этого порядка. Правда, при этом некоторые характерные детали акцентируются и выпячиваются, создавая иллюзию, будто гигантские эволюционные порядки можно редуцировать до весьма конкретно понимаемых правил, а не абстрактных принципов.

Нередко мода на изучение разнообразных политических порядков ведет к тому, что само понятие, а тем более его операционализация резко суживается. В таком случае под порядками фактически начинают пониматься явления принципиально иного масштаба. В данной статье их предлагается трактовать как режимы. Они являются предметом следующего раздела статьи.

РЕЖИМЫ

За словом *режим* скрываются различные понятия и явления политической жизни и “можно выделить, по меньшей мере, три различных базовых понятия, замаскированных омонимией” [Ильин 2007: 141]. Выделение этих базовых понятий²⁶ затруднено разветвлениями концептных и лексических историй.

Идея правления и его формы на протяжении веков выражалась с помощью различных слов и выражений. Слова, связанные по происхождению с латинским глаголом *rego, regere* — “править” и отглагольным существительным *regimen, inis* — со значениями “начальствование, кормило, руль, правитель”²⁷, были лексическими вариантами подобного выражения. Однако в критических условиях мощнейших политических революций рубежа XVIII-XIX вв. и более широких изменений всего понятийного аппарата европейской общественной мысли в *седловинные времена* (*Sattelzeit*) это слово получило особое звучание. В языке Великой французской революции слово *régime* приобрело значение ключевого политического термина. Оно использовалось в словосочетании *Ancien Régime* для обозначения специфического явления — дореволюционного образа жизни, а также социального, политического и экономического господства во Франции на протяжении 2-3 веков перед революцией. Существенный вклад в популяризацию термина *старый режим* внес А. де Токвиль.

²⁶ Первое — это форма правления или политический строй в целом. Второе — это открытые для изменения моменты правления, переменные параметры политического строя. Третье — это властный авторитет, определяющий политический строй и/или его переменные параметры.

²⁷ Любопытно, что уже на этом первоначальном этапе намечается указанное выше тройное разделение смысла: управление как таковое; средство, инструмент управления (кормило, руль); источник управления, его субъект.

Аналогичные названия-кальки отживших политических порядков в их специфическом историческом проявлении вскоре стали использоваться в Испании, в Швейцарии и других странах, включая и Россию. Одновременно происходит подспудная актуализация также и всех трех исходных смыслов (внеисторическое правление вообще, инструменты правления, агенты правления, управители) на фоне их соотнесения с конкретными историческими формами правления. Результатом становится своеобразная терминологизация национальных калек французского слова *régime* и самого этого слова. Постепенно вырабатывается двусмысленное и противоречивое понимание политического режима. Оно становится крайне расплывчатым, по Сартори “растянутым” пространством смешения всех или почти всех смыслов и значений, которые могут уточняться и “стягиваться” только контекстно.

Режим в прежнем смысле формы и способа правления, а также как синоним правления как такового оказывается наиболее близким эквивалентом политического порядка. Однако данное понимание режима и использование соответствующего термина оказываются ограниченными. Как правило, они не выходят из довольно узкого круга чисто теоретических сочинений.

Куда шире распространено использование термина *режим* в его разноязычных кальках для одновременного обозначение двух пусть и связанных, но различных понятий. Во-первых, это специфические разновидности или даже отдельные свойства правления в конкретном месте и контексте — историческом, цивилизационном, доктринальном, а во-вторых, осуществляющие данное правление властные инстанции. Подобное смешение характерно для популярной литературы, журналистики и лексикона политиков.

В политической науке произошло дальнейшее насыщение и смысловое разрастание термина *режим*. Он трактуется, например, как комплексная и обобщающая характеристика и политического строя, и характерных для него способов и стилей властвования, а также инстанций, его осуществляющих. Теоретическое понимание режима как формы правления дробится и редуцируется до частных и крайне специфических мини-порядков, доступных идеографическим описаниям и конъюнктурным интерпретациям. Режим — это обозначение и комплекса специфических политических курсов, и осуществляющих этот курс властителей, и стилистических особенностей властвования и поведения тех или иных властителей, и своего рода эквивалент конституции.

Проявляются две тенденции. Насыщенная (*thick*) трактовка режима ведет к его отождествлению с порядком. Правда порядком, в понимании которого внимание с общей аналитической рамки переносится на насыщающие ее частные детали и практики. Очищенная (*thin*) трактовка режима ведет к его отождествлению с актором, его действенностью (*agency*) и политическими курсами.

Концептная гибкость режима позволяет ему выступать в роли своего рода понятийной связки, которая реализуется не систематически и концептуально, а применительно к специфической исследовательской задаче. Весьма типично, например, использование этого термина для характеристики интересующих исследователя аспектов развития. В этом случае режим может трактоваться и как источник, и как процесс, и как результат политических преобразований и развития — в том числе и даже преимущественно путем заимствования правильных, передовых образцов достойной управляемости (*good governance*). Подобная трактовка, а скорее эклектическое смешение

трактовок стали особенно характерны для транзитологической литературы последних десятилетий.

Весьма продуктивным, однако явно недоиспользованным в литературе представляется различение конституционных (строй), институциональных и режимных (политический курс) параметров с оппозицией стабильность, устойчивость – лабильность, изменчивость. В терминах конституции институциональная рамка государства может рассматриваться как достаточно стабильная. Это позволяет “нарезать” условно неизменные на протяжении десятилетий ячейки координатной сетки от одной фактической, а порой и писаной, конституции, до другой. Это также позволяет учитывать лабильность, подвижность ячеек за счет выделения их повседневной институциональной активности, использования институтов и практик, их варьирования и тому подобное. Это – варьирование и приспособление институтов к данному моменту, понимаемому широко как момент нахождения у власти и во власти того или иного агента (партии, индивида и т.п.) или режима с его политическим курсом (*policy*).

Строго говоря, агентивные по своей природе режимы не могут заимствовать или устанавливать институты. Они могут лишь принимать решения о таком заимствовании или установлении. Так наз. заимствование режимами институтов фактически сводится к декларированию правил, претендующих на превращение со временем в институты. На деле институт заимствуется или устанавливается лишь после многократного повторения соответствующих правил и придания им автоматизма. Это требует времени, усилий и, главное, соучастия всех вовлеченных в институционализацию сторон, исполнения им предписанных правил.

Данная проблематика станет основным предметом следующей статьи. Пока же важно отметить, что на первых порах будущий институт остается не чем иным, как той или иной практикой, предписанной тем или иным решением или обусловленной политическим курсом режима, т.е. комплексом решений, установок и приоритетов. Есть декларативное решение формальной инстанции (парламент принимает закон), есть практики (попытки использовать принятый закон), есть результаты практик с петлями обратной связи, есть закрепление до автоматизма навыков поведения и использования соответствующего правила (институт).

Категории управления (*government*) и управляемости (*governance*) позволяют интегрально представить и управленческие решения, и их согласование, их принятие исполнителями, и соответствующие практики, и уже институционализованные правила, т.е. институты в точном смысле.

В этих целях широко использовалось традиционное понятие смешанного (*mixed*) режима, а затем и ставшие более характерными для новых подходов понятия гибридного (*hybrid*) режима. Характерно при этом, что понятие переходного режима не прижилось²⁸.

Режимы характеризуются стилями правления и политического поведения. На первый взгляд не очевидно, почему понятие стиля оказалось в одном ряду

²⁸ В числе редких исключений отмечу выделение Кандидо Мендесом “переходного или исключительного типа режима” (*transitory or exceptional type of regime*) [Mendes 1980] или типологию Франка Пфетша, включающую демократические, переходные (*transitory*) и авторитарные режимы [Pfetsch 2006].

с порядком, режимом и практикой. Однако достаточно вдуматься в смысл категории стиль, чтобы уловить связь. Стиль (исходно инструмент писца) является средством, даже инструментом создания и поддержания порядка, осуществления того или иного способа властвования, наконец, непосредственного осуществления политических действий.

ПРАКТИКИ

Теперь настала пора перейти к завершающему члену нашего понятийного ряда — практикам. Это — регулярное, входящее в привычку и зачастую автоматическое использование тех или иных правил и обычаев политического поведения; привыкание к устойчивым схемам поведения, которое служит основой для институционализации.

Сами подобные устойчивые схемы политического поведения рассматриваются обычно с точки зрения их использования в режиме повседневности и в масштабе, приближенном к масштабу отдельной личности. Это несколько затрудняет выработку общего, отвечающего стандартам научной абстракции определения. В результате ученым приходится определять практики, например, как “развивающийся во времени и дисперсно размещенный в пространстве узел деланий и говорений (*nexus of doings and sayings*)” [Schatzki 1995: 89].

Практики и институты объединяет обычай. Если институт — это рационализированный и инструментализированный обычай, то практика — это обычай, воспринимаемый через прагматическую фактуру его осуществления. При насыщенной (*thick*) трактовке институтов практики рассматриваются как их органическая составляющая.

Можно рассматривать практики как явления ранней стадии институционализации, как своего рода протоинституты. В то же время следует учитывать, что сам процесс первичной институционализации — возникновения института — в отличие от вторичной институционализации — воспроизведения уже существующего института — дает асимметричное соотношение между четкими правилами и устойчивым поведением. Первоначально возникают избирательность и повторяемость неких способов поведения, а лишь на весьма продвинутой стадии процесса институционализации появляются, закрепляются, формализуются и получают официальное признание абстрактные обобщения данных способов. Фактически образованию института предшествует появление их протоформ — практик.

Впрочем, практики не исчезают с возникновением политических институтов, а становятся их спутниками, включаясь в значительной мере в их насыщенные трактовки. Для некоторых исследовательских задач практики представляют самодовлеющий интерес и могут рассматриваться относительно самостоятельно от институтов вообще, а от формальных институтов в особенности, например, в рамках анализа практик или изучения повседневности.

С практиками тесно связаны фреймы как процедурное знание. Фреймы — это ментальные или мыслительные схемы, позволяющие человеку адекватно реагировать на типовую ситуацию [Гофман 2004]. В основе фреймов лежат когнитивные схемы. В исходном определении фреймы — это структура знаний для представления однотипной ситуации [Минский 1979]. Подобное понимание фреймов близко категории фоновых практик, а также фоновых знаний и значений [Волков, Хархордин 2008].

Когнитивные схемы и фреймы по своему масштабу могут быть различными. Это означает, что они обеспечивают функционирование не только практик, но также режимов и порядков. Подчеркнутое внимание к связке практик и фреймов объясняется только тем, что на уровне наблюдаемого поведения эта связь не просто заметна, но и кажется “естественной”. Аналогичная связь на уровне куда более абстрактных режимов, а тем более обобщенных эволюционных порядков затруднена и требует значительных аналитических усилий. Но при расширении темпоральных масштабов эта задача становится вполне реализуемой.

КОГНИВНЫЕ СХЕМЫ ДЛЯ МАСШТАБОВ И АСПЕКТОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ

Разнообразие феноменов и понятий, масштабов и аспектов институциональности велико. Вместе они образуют слоеный пирог. Однако и жизнь, и научные исследования зачастую требуют выделения отдельных аспектов, масштабов или разновидностей институтов. Метафора слоеного пирога и тут может оказаться полезной. Она предполагает выделение разных “слоев”. В ходе такого выделения для каждого из них используются свои исследовательские инструменты, которые в конечном счете отталкиваются от своих исходных метафор.

Разные аспекты, слои и измерения институциональности улавливаются своими метафорами и познаются с помощью скрытых в них когнитивных схем. Что же это за метафоры? Во-первых, физикалистские. Человеческая и социальная действительность состоит из отдельных “вещей”. Во-вторых, организмические. “Вещи” оказываются вовсе не физическими телами, а живыми существами. В-третьих, действительность оказывается единством не отдельных существ только, а форм жизни — множества видов, включенных в живые экосистемы.

В первом случае когнитивная схема проста. Политическая сфера образована объектами, которые сходны с физическими телами. Эти объекты даны сразу и во всей своей целостности. Они поддаются измерению, взвешиванию. А главное всегда равны самим себе. Их можно понять и проанализировать путем соединения с помощью структур и функций, или, напротив, выделения составных частей, т.е. опять-таки структур и функций. Чем ни алгебра? Только математика обеспечивает решение исследовательских задач. Ничего сверх того не требуется.

Во втором случае когнитивная схема предполагает, что объекты политики не просто материальные единицы, а живые существа, организмы. У них есть потребности и воля. Логика их существования вытекает из метаболизма и генетической программы. Эти смертные, эквифинальные существа одержимы стремлением осуществить свое предназначение, а отнюдь не только ту или иную функцию. Эти “единицы” уже не равны сами себе. Сначала они не совсем еще определились, они только зародыши, детеныши. Затем они как будто являют свой прототип. Но это длится недолго. Затем они продолжают существовать уже как уходящая, старящаяся натура.

В третьем случае когнитивная схема предполагает многомерность связей между “единицами” разного уровня сложности²⁹. Они образуют своего рода

²⁹ Подобные “единицы” принципиально различны. Если продолжить экологическую аналогию, то это косные предметы и организмы, которые включены друг в друга. Это виды, т.е. очень длительные, массовые и связанные преемственностью совокупности организмов. Это формы жизни, т.е. виды, фенотипически вписанные среду — и живую, и косную. Это, наконец, отдельные биогеоценозы.

подобия экосистем. Смысл их существования не редуцируем ни к функциям, ни к предназначениям, а проявляется лишь во всеобщности связей, принципиально открытой неоднозначным трактовкам фактически или мысленно погруженных в них наблюдателей и интерпретаторов.

Каждая когнитивная схема открывает нам свое пространство—время. Физические объекты создают свое собственное пространство и равны ему в каждый отдельный момент, кайрос своего существования. Что же касается времени, то это в лучшем случае квазитемпоральная последовательность прежде и потом различных пространственных диспозиций косных тел. Собственно и времени нет, а есть череда мгновений—диспозиций. Возвращения в те же диспозиции создают квазитемпоральные колебания и циклы.

Пространство—время организмов создается их эквифинальными программами рождения и смерти. Они вписываются в окружающую среду, обмениваются с нею веществом и энергией. Жизненный процесс создает линейную историю.

Каждая когнитивная схема вводит свои ограничения. Что-то выпадает из поля зрения, становится недоступно для исследования. Ограничения одновременно оборачиваются возможностями. Что-то становится отчетливо видно, на нем фокусируется внимание. Появляется возможность адекватного исследования соответствующих сторон действительности. Можно сказать, что определенной когнитивной схеме соответствует определенная оптика, позволяющая видеть одни стороны действительности за счет исключения из поля зрения других.

132

А можно ли представить аспекты и измерения институциональности как и то, и другое, и третье? И как вещь, и как организм, и как сообщество, экосистему? Только при условии, что постоянно будет осуществляться перефокусировка. Что-то будет попадать в поле зрения, а что-то уходить. Метафорически это можно описать как испытание действительности слой за слоем. Именно это и предназначена передать метафора слоеного пирога, в котором соединены различные ингредиенты (мука, соль, сахар, масло и т.п.), однако разными способами и в разных пропорциях они соединяются в различных ясно отличных друг от друга слоях. Каждый слой испытывается, “пробуется” по мере съедания пирога, но при этом возникает общий вкус и восприятие.

Учет фактора времени зависит от того, чем представляются погружаемые в него явления. Для вещей время почти нейтрально. Оно в лучшем случае отражает последовательность состояний. Для организмов время существенно. Оно имеет направленность, начало и конец. Организмы живут по законам эквифинальности. Они смертны. Для экосистем время еще более значимо. Оно становится структурным средством преобразования и развития как экосистем, так и входящих в них форм жизни.

Разумеется, что очень абстрактная схема. В действительности происходит нарастание или сокращение масштабов. Действия образуют череду. В какой-то момент обнаруживается начало и конец этой череды, т.е. эквифинальность, жизнь. Вырисовывается новый масштаб. Короткие события и истории соединяются в более длительные, сложные. Постепенно их переплетение и умножение создает многосоставный порядок.

Оптика и метафорика вещей включается в оптику организмов в виде некоей дополнительной возможности для рассмотрения деталей, как бы скрывшихся от новой оптики и метафорики организмов, спрятавшихся внутрь.

То же происходит и далее. Оптика и метафорика экосистемы позволяет увидеть новый слой действительности, под которым скрываются прежние. Каждый слой можно разглядеть с помощью своей, адекватной ему оптики, метафорики, когнитивных схем. А вот мысленно охватить все целиком можно лишь путем перенастройки оптики, сочетания когнитивных схем и метафор.

Жизнь, действительность, политика напоминают слоеный пирог. Там причудливо переплетаются и смешиваются разномасштабные явления. То, что нам удастся разглядеть и проанализировать – это не четко разделенные вещи со своей особой природой и сущностью, а лишь отдельные аспекты и моменты сложного мира, которые становятся доступны нашему наблюдению и пониманию. Мы создаем конкретные аналитические инструменты, например, в виде понятий, чтобы оказаться в состоянии проделать свою исследовательскую работу. Привычные понятия, например, двухпартийная система, конкурентные выборы, партия “Яблоко” – отнюдь не эквивалентны фрагментам действительности, с которыми они полностью, целиком и натуралистически совпадают. Не все, что мы видим сейчас за окном, является Российской Федерацией.

Как же нам быть в этой ситуации? Попробовать пройти путем переналадки наших исследовательских инструментов. Это сложно само по себе. Однако еще сложнее одновременно сохранять способность смотреть по-разному, помнить о результатах предыдущих шагов, использовать эти результаты для планирования и совершения новых шагов.

Подобного рода способности совершенно незаменимы при динамическом рассмотрении институтов разного масштаба. Что и станет предметом следующей статьи.

Быченков В.М. 1996. *Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности*. М.: Российская академия социальных наук. 975 с.

Волков В.В., Хархордин О.В. 2008. *Теория практик*. СПб.: Изд-во ЕУСПб. 297 с.

Воскресенский А.Д. 2013. Социальные порядки и пространство мировой политики (Историческая эволюция мировой системы). – *Полис. Политические исследования*, № 2, с. 6-23.

Гофман И. 2004. *Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда “Общественное мнение”. 297 с.

Дворецкий И.Х. 1986. *Латинско-русский словарь*. М.: Русский язык. 845 с.

Ильин М.В. 1995. *Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть I. Основания хронополитики*. М.: МГИМО. 112 с.

Ильин М.В. 2007. Понятийная омонимия: конституции и режимы. Поколения конституций. – *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 140-148.

Ильин М.В. 2013. Имперская форма и политические порядки различной эволюционной сложности. – *Политическая наука*, № 3, с. 98-116.

Ильин М.В., Цымбурский В.Л. 1997. Общества “открытые” и “закрытые” (миф и его рационализация). – *Космополис. Альманах*. М., с. 192-216.

Институциональная политология: Современный институционализм и проблемы политической трансформации России. Под ред. С.В. Патрушева. 2006. М.: ИСП РАН. Доступ: http://www.isras.ru/files/File/Publication/IP_2006.pdf.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. 2010. *Лингвистика институциональной экономики*. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 280 с.

Мельвилль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2013. “Царь горы”, или почему в посткоммунистических автократиях плохие институты. — *Полис. Политические исследования*, № 2, с. 125-142.

Минский М. 1979. *Фреймы для представления знаний*. М.: Энергия. 151 с.

Некипелов А.Д. 2006. *Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзоны” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве*. М.: Экономист. 328 с.

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги “Начала”. 190 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара. 479 с.

Панов П.В. 2011. *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. М.: РОССПЭН. 230 с.

Панов П.В. 2012. Институциональная устойчивость фрагментированных политий. — *Политическая наука*, № 3.

Патрушев С.В. 2001. Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы. — *Политическая наука*, № 2.

Патрушев С.В. 2011. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации. — *Полис. Политические исследования*, № 6, с. 120-133.

Сергеев В.М., Бирюков Н.И. 1998. В чем секрет “современного” общества. — *Полис. Политические исследования*, № 2, с. 52-63.

Соссюр, Ф. де. 2004. *Курс общей лингвистики*. М.: Едиториал УРСС. 256 с.

Тришин В.Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS®, версии 6.9 на 508 тыс. слов. Доступ: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (проверено: 24.09.2013).

Филиппов А.Ф. 1992. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема). — *Вопросы социологии*, № 1. с. 89-120.

Филиппов А.Ф. 2008. *Социология пространства ДОС*. С-Пб.: Владимир Даль. 290 с.

References

Arendt H. *Crisis of the Republic: Lying in Politics: Civil Disobedience: on Violence: Thoughts on Politics and Revolution*. — N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972, 240 p.

Ashworth R., Boyne G., Delbridge R. Escape from the iron cage? Organizational change and isomorphic pressures in the public sector. — *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2009, vol. 19, no. 1, pp. 165-187.

Baehr P. The “iron cage” and the “shell as hard as steel”: Parsons, Weber, and the Stahlhartes Gehäuse metaphor in the Protestant ethic and the spirit of capitalism. — *History and Theory*, 2001, vol. 40, no. 2, pp. 153-169.

Boege, V., Brown, M.A., Clements, K.P., & Nolan, A. On hybrid political orders and emerging states: What is failing—states in the global south or research and politics in the West? — *Berghof Handbook for Conflict Transformation Dialogue Series*, 2009, no. 8, pp. 15-35.

Boege V., Brown M. A., Clements K. P. Hybrid political orders, not fragile states. — *Peace Review*, 2009, vol 21, no. 1, pp. 13-21.

Boiral O. ISO 9000: outside the iron cage. — *Organization Science*, 2003, vol. 14, no. 6, pp. 720-737.

Brown, M.A., Boege, V., Clements, K.P. and Nolan, A. Challenging statebuilding as peacebuilding: Working with hybrid political orders to build peace. — *Oliver P. Richmond*

(Ed.), *Palgrave advances in peacebuilding: Critical developments and approaches*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, U.K.: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 99-115.

Chalcraft D. Bringing the text back in: on ways of reading the iron cage metaphor in the two editions of *The Protestant Ethic*. — *Organizing Modernity: New Weberian Perspectives on Work, Organization and Society*, 1994, pp. 16-45.

DiMaggio P., Powell W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. — *American Sociological Review*, 1983, vol. 48, pp. 147-160.

Fukuyama F. *The origins of political order: from prehuman times to the French Revolution*. L.: Profile books, 2011, 585 p.

Hall P. *Governing the economy. Politics of state intervention in Britain and France*. N.Y.: Oxford University Press, 1986, 341 p.

Kaelber L. Max Weber's Protestant Ethic in the 21st century. — *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2002, vol. 16, no. 1, pp. 133-146.

Kent S.A. Weber, Goethe, and the Nietzschean allusion: capturing the source of the "iron cage" metaphor. — *Sociology of Religion*, 1983, vol. 44, no. 4, pp. 297-319.

Klage J. Approaches to the Iron Cage Reconstructing the Bars of Weber's Metaphor. — *Administration & Society*, 1997, vol. 29, no. 1, pp. 63-77.

Kraushaar M. & Lambach D. Hybrid Political Orders: The Added Value of a New Concept. — *The Australian Centre for Peace and Conflict Studies (ACPACS). Occasional Papers Series* [Online], 2009, no. 14. URL: <http://www.issr.uq.edu.au/acpacs-publications>

Lane J.-E., Ersson S. *The new institutional politics: Performance and outcomes*. L.; N.Y.: Routledge, 2000, 329 p.

March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering institutions: The organizational basis of politics*. N.Y.: The Free Press, 1989, 227 p.

March J.G., Olsen J.P. Elaborating the "New Institutionalism". — *Rhodes R,A,W., Binder S., Rockman B. (eds.) The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 3-20.

Mendes C. The Post-1964 Brazilian Regime: Outward Redemocratization and Inner Institutionalization. — *Government and Opposition*, 1980, vol. 15, no 1, pp. 48-74.

Mitzman A. *The iron cage: An historical interpretation of Max Weber*. N.Y.: Knopf, 1970, 328 p.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2009, 308 p.

Parenti C. *The soft cage: Surveillance in America from slavery to the war on terror*. N.Y.: Basic Books, 2004, 273 p.

Pfetsch F. Conflict Resolution by Democracies and Dictatorships: Are Democracies Better in Resolving Conflicts? — *Trappl R. (ed.) Programming for Peace*. Dordrecht: Springer, 2006, pp. 11-47.

Prasad P., Prasad A. Stretching the iron cage: The constitution and implications of routine workplace resistance. — *Organization Science*, 2000, vol. 11, no. 4, pp. 387-403.

Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices. — *European Journal of Social Theory*, 2002, vol. 5, pp. 243-263.

Reed M. Beyond the iron cage? Bureaucracy and democracy in the knowledge economy and society. — *Du Gay P. (ed.) The values of bureaucracy*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 115-140.

Saussure, Ferdinand de. *Cours de linguistique générale*, ed. C. Bally et A. Sechehaye, Lausanne and Paris: Payot, 1916, 331 p.

Scaff L.A. *Fleeing the iron cage: Culture, politics, and modernity in the thought of Max Weber*. Berkeley: Univ of California Press, 1989, 265 p.

Schatzki Th. R. *Social Practices. A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 256 p.

Teilhard de Chardin P. *Le phénomène humain*. P.: Seuil, 1956, 348 p.

Tiryakian E. A. The Sociological Import of a Metaphor: Tracking the Source of Max Weber's "Iron Cage". — *Sociological Inquiry*, 1981, vol. 51, no. 1, pp. 27-33.

Tribe K. Talcott Parsons as translator of Max Weber's basic sociological categories. — *History of European ideas*, 2007, vol. 33, no. 2, pp. 212-233.

Tsebelis G. Nested games: Rational choice in a comparative perspective. — Berkeley: University of California Press, 1990, Xiv, 274 p.

Turner St.P. Bunyan's Cage and Weber's Casing. — *Sociological Inquiry*, 1982, vol. 52, no. 1, pp. 84-87.

Turner St.P. *The Social Theory of Practices. Tradition, Tacit Knowledge and Presuppositions*. Cambridge: Polity, 1994, 160 p.

Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, translated by Talcott Parsons*. N.Y., Charles Scribner's Sons, 1958, 150 p.

Weber M. 1920. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. — *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. 8., photomechanisch gedruckte Auflage; Band 1*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1986 (1. Auflage 1920, S. 17-206).

Bychenkov V.M. *Instituty. Sverkhkollektivnyye obrazovaniya i bezlichnyye formy sotsial'noy sub'yektivnosti* [Institutions. "Over-collective" Formation and Impersonal Forms of Social Subjectivity]. Moscow: Russian Academy of Social Sciences, 1996, 975 c.

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Teoriya praktik* [Theory of the Practices]. St. Petersburg: European University of St. Petersburg Publishers, 2008, 297 p.

Voskresenskiy A.D. Social Order and Space in World Politics (Historical Evolution of the World System). — *Polis. Political Studies*, 2013, no. 2, p. 6-23. (In Russ.)

Goffman E. *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience* (Russian version). Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; Institute of the Fund "Public opinion", 2004, 297 p.

Dvoretzkiy I.Kh. *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk. 1986. 845 p.

Ilyin M.V. *Ocherki khronopoliticheskoy tipologii. Problemy i vozmozhnosti tipologicheskogo analiza evolyutsionnykh form politicheskikh sistem. Chast' I. Osnovaniya khronopolitiki* [Essays Chronopolitical Typology. Challenges and Opportunities of the Typological Analysis of Evolutionary Forms of Political Systems. Part I. Basis of Chronopolitics]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations, 1995, 112 p.

Ilyin M.V. Conceptual Homonymy: Constitutions and Regimes. Generations of the Constitutions. — *Polis. Political Studies*, 2007, no. 5, p. 140-148. (In Russ.)

Ilyin M.V. Imperial Form and Political Orders of Different Evolutionary Complexity. — *Polis. Political Studies*, 2013, no. 3, pp. 98-116. (In Russ.)

Ilyin M.V., Tsymbursky V.L. Society "Open" and "Closed" (Myth and Its Rationalization). — *Cosmopolis. Almanac*, 1997, 192-216.

Institutsional'naya politologiya: Sovremennyy institutsionalizm i problemy politicheskoy transformatsii Rossii. Pod red. S.V. Patrusheva [Institutional Politics: Modern Institutionalism and Political Problems of Russia's Transformation (ed. S.V. Patrushev)]. Moscow: ISPRAS. 2006. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/IP_2006.pdf (Accessed: 04.04.2014).

Inshakov O.V., Frolov D.P. *Lingvistika institutsional'noy ekonomiki* [Linguistics of the Institutional Economics]. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2010, 280 p.

Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. "King of the Hill", or Why Bad Institutions in Post-Communist Autocracies. — *Polis. Political Studies*, 2013, no. 2, p. 125-142. (In Russ.)

Minskiy M. *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for Knowledge Representation]. Moscow: Energy, 1979, 151 p.

Nekipelov A.D. *Stanovleniye i funktsionirovaniye ekonomicheskikh institutov: ot "robinzonady" do rynochnoy ekonomiki, osnovannoy na individual'nom proizvodstve* [Formation and Functioning of Economic Institutions: from "Robinson Crusoe" to a Market Economy Based on Individual Production]. Moscow: Economist. 2006. 328 p.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* (Russian version). Moscow: Economic book Foundation "Origins", 1997, 190 p.

Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* (Russian version). Moscow: Gaidar Institute Press, 2011, 480 p.

Panov P.V. *Institutions, Identities, Practices: a Theoretical Model of Political Order*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 230 p.

Panov P.V. Institutional Sustainability of the Fragmenting Polities. – *Political Science*, 2013, no. 3. (In Russ.)

Patrushev S.V. Institutionalism in Political Science: Stages, Current, Ideas, Problems. – *Political Science*, 2001, no. 2. (In Russ.)

Patrushev S.V. The Cliquocratical Order as Institutional Trap for the Russian Modernization. – *Polis. Political Studies*, 2011, no. 6, p. 120-133. (In Russ.)

Sergeyev V.M., Biryukov N.I. The Secret of "Modem" Society. – *Polis. Political Studies*, 1998, no. 2, p. 52-63. (In Russ.)

Saussure, F. de. *Course in General Linguistics* (Russian version). Moscow: Editorial URSS, 2004, 256 p.

Trishin V.N. *Big Glossary of Synonyms Russian Language System ASIS®*, version 6.9, 508 thousand words (Russian version). URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (Accessed: 24.09.2013).

Filippov A.F. Observer Empire (Empire as a Sociological Category and a Social Problem). – *Voprosy sotsiologii*, 1992, no. 1, p. 89-120. (In Russ.)

Filippov A.F. *Social Space DOC*. Saint-Petersburg: Vladimir Dahl, 2008, 290 p.

“FLAKY PASTRY” OF POLITICS: ORDERS, REGIMES AND PRACTICES

M.V. Ilyin

Abstract. Saussurean notions of langue and parole provide social scientists with an analytical distinction of online and offline aspects of social phenomena. It is agency that links both aspects together or rather converts one into another and back. It is human agency that translates or encodes institutional norms into processes of various temporal and spatial scales. Respectively it decodes processes or extracts institutional norms from them. Analysis of present and historical usage of the words institutio, institutum, institution and the like shows that there is a range of homonymous terms that conceptualize different phenomena. They are offline norms, their on line applications and products of the applications, organizations that serve as agency of both encoding and decoding norms etc. Interaction of on line, offline and agency institutions results in an ongoing saturation and purification of institutions. This in turn allows to distinguish thick and thin as well as formal and informal institutions. Simultaneously all those varieties of institutions are shaped into various temporal and spatial scales. This produces a motley of overlapping and mutually inclusive entities. All together they could be best presented by an image of flaky pastry of politics. The article further presents a sequence of institutional scales, namely evolutionary orders, historical regimes and everyday practices packed into each other. Alternative ways of conceptualizing them as material objects, mechanisms, organisms, species, life forms and ecosystems are discusses in the article.

Keywords: institutions, processes, langue, parole, on line, off line, agency, thick and thin institutions, saturation and purification of institutions, formal and informal institutions, institutions of various scale, orders, regimes, practices.